

Комментарий к статье Максима СТРИХИ «Украинский язык в классических операх...» («День» № 160-161, 9-10 сентября 2011 г.)

Полностью разделяю точку зрения М. Стрихи. Да и как можно ее не разделять? Петь на языке, которого не понимают ни исполнители, ни слушатели, – что может быть абсурднее? Тогда в драматическом театре нужно играть Шекспира на английском, Мольера – на французском, а на электронном табло пускать подстрочный перевод, но до этого, к счастью, никто не додумался. Что из того, что на Западе принято петь на языке оригинала? Как говаривали персонажи Зощенко, «что хорошо в буржуазных странах, то у нас боком выходит». Там, где нет постоянных трупп, а солистов приглашают на постановку из разных стран, лучше петь, естественно, на одном языке. А в нашей Национальной опере как-то, лет 12 назад, я слушал «Трубадура»: все пели по-итальянски, а Азучена из Одессы (куда нелепая мода не успела дойти) – по-украински.

Исполнение на незнакомом языке еще больше отталкивает от оперы новые поколения слушателей, вкус которых и без того безнадежно испорчен беснующимися на телеэкране и в радиозфере эстрадными певичками-истеричками (обою пола), кто-то из которых даже хвастал (на страницах «Бульвара»), что они, дескать, победили классическое искусство. Чтение же текста на табло отвлекает от сцены, ансамбли (самое ценное в опере) не переводятся вовсе. А каково радиослушателям при трансляции спектаклей (например, 25 сентября канал «Культура» Национального радио передавал трансляционную запись «Нормы»)?

Происходит это, конечно, *только ради зарубежных гастролей*. Однако главный режиссер Национальной оперы Д. Гнатюк считает, что западноевропейские произведения могут идти в оригинале «як дубль для закордонних поїздок. А вдома, в Україні, ті ж спектаклі мають іти рідною мовою» 1. Но, видимо, нет пророка в своем отечестве, если к нему не прислушиваются его коллеги, которым лень переучивать партии на *родной* язык. А вот Собинovu, как уместно напомнил Стриха, было не лень выучить Ленского и Лоэнгина на украинском. В наше время другой великий тенор – Пласидо Доминго – того же Ленского пел в Израиле на иврите 2. Их коллега по амплуа Франко Корелли считал, что «Кармен» нужно исполнять в итальянском переводе: «Французский язык не дает той свободы акцента, той дерзкой смелости, того безудержного излияния чувств, которые легко достигаются, если поешь по-итальянски» 3 (позволю себе добавить, что украинский язык ни в чем итальянскому не уступает). Выдающийся немецкий режиссер Петер Штайн, скептически относясь к литературному дарованию своего соотечественника Вагнера, предпочитает ставить его оперы в английском переводе («убирается бессмыслица») 4. Шостакович настаивал при постановках «Катерины Измайловой» за рубежом, чтобы ее пели в переводах, даже не соответствующих самым высоким требованиям 5: «Опера должна исполняться на том языке, на котором ее слушают» 6. А Чайковский в 1875 году по просьбе Николая Рубинштейна перевел «Свадьбу Фигаро» на русский язык. Ему что, нечем было заняться? Может быть,

---

1 Д. Гнатюк. Ще раз про українську національну ідею // Культура і життя. – 2008. – 5 листопада.

2 См. В. Коротич. От первого лица. – К. : Схили Дніпра, 2005. – С. 75.

3 Музыкальная жизнь. – 2000. – № 5. – С. 40.

4 Музыкальная академия. – 1994. – № 3. – С. 32.

5 См. Письма к другу. Дмитрий Шостакович – Исааку Гликману. – М. : DSCH, СПб : Композитор, 1993. – С. 237-238.

6 Д. Шостакович о времени и о себе. – М. : Советский композитор, 1980. – С. 347.

мы из-за этого лишились какого-то его собственного шедевра. Но ему было важно, чтобы каждое слово, озвученное Моцартом, которого Чайковский боготворил, дошло до слушателей.

Но и для исполнителей, как считает американский дирижер Э. Лайнсдорф, «выбор языка, на котором поется опера, еще важнее, чем для публики. Исполнение убедительнее всего тогда, когда певец или певица владеют языком в совершенстве. Но коль скоро слова заучиваются механически, ненатуральность декламации – как это бывает в речах, произносимых на школьных выпускных вечерах, – ослабляет эффект» 7. Непревзойденный исполнитель вагнеровского репертуара Иван Ершов отклонял приглашения вдовы композитора выступить в Байройте, полагая, что пение на немецком языке сковало бы его творческую свободу. Не берусь, в отличие от полиглота Стрихи, оценивать, как владеют наши вокалисты иностранными языками, но очень сомневаюсь, что все они, включая хор, превзошли в этом отношении Ершова. Мне рассказывал известный киевский бас, работающий за рубежом, что зазубривает свои партии, ничего не понимая.

А все разглагольствования об авторском единстве слова и музыки – пустые и неубедительные отговорки. Моцарт писал отцу, что «подсказал г-ну Штефани (либреттисту. – В. Т.) эту арию почти полностью, ведь большая часть музыки к ней была готова – раньше, чем Штефани придумал хоть слово текста <...> Слова же пишут только для того, чтобы сопровождать музыку» 8. Не только «Дон Карлос» Верди, но и его же «Сицилийская вечерня», и «Вильгельм Телль» Россини, и «Дочь полка» и «Фаворитка» Доницетти были написаны на французские либретто, что не мешало им потом идти в итальянских переводах. Масканы сочинял «Сельскую честь» не имея всего текста. Точно так же и либреттисту «Ивана Сусанина» барону Розену, по словам Глинки, «надлежало подделывать слова под музыку, требующую иногда самых странных размеров» 9, а для романса Антонида «Не о том скорблю, подруженьки» Глинка использовал собственную песню на слова Дельвига «Не осенний частый дождичек» 10. И в заключительной сцене «Евгения Онегина», которая первоначально заканчивалась *happу-end'ом*, был совсем другой текст при той же музыке. Шостакович в «Москве – Черемушках» для арии Лидочки взял свою «Песню о встречном» («Нас утро встречает прохладой») с новыми словами («Я в школу когда-то ходила»)...

Информация В. Туркевича на той же странице свидетельствует о переменах к лучшему в афише театра, где вновь появится «Волшебная флейта». Сейчас в репертуаре нет ни одной оперы Моцарта, равно как Глинки и Вагнера, одна опера (из 15!) Римского-Корсакова – при пяти опусах Пуччини, которого даже его друг Тосканини считал «очень способным человеком, но, к сожалению, не более» 11, а Шостакович говорил, что он писал чудесные оперы, но ужасную музыку 12. Пожелаем новому руководству театра проявить благоразумие и в языковой политике.

Владимир ТОЛЬБА

---

7 Э. Лайнсдорф. В защиту композитора. – М. : Музыка, 1988. – С. 20.

8 В.-А. Моцарт. Полное собрание писем. – М. : Международные отношения, 2006. – С. 295.

9 Цит. по: О. Левашова. Михаил Иванович Глинка. – М. : Музыка, 1987. – С. 245.

10 Там же. – С. 114.

11 Искусство Артуро Тосканини. – Л. : Музыка, 1974. – С. 129.

12 См. К. Душенко. Большая книга афоризмов. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 539.